

Климов Т.А.

УЧАСТИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ МУЗЕЯХ

Климов, Тимур Александрович — бакалавр международных отношений, студент магистерской программы, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, t.klimov637@yandex.ru.

В статье анализируются распространенные формы участия коренных народов в музейной деятельности, получившие развитие в США, Канаде и Северной Европе в последние десятилетия. В основе их активного вовлечения в экспозиционно-выставочную и другие виды работы музеев лежит стремление реализовать права на культурную автономию, преодолеть последствия неравноправных, колониальных отношений посредством установления или возвращения контроля над повествованием о собственной истории, культуре, ценностях. В тексте выделяются и рассматриваются две ключевые формы музейной деятельности этнических сообществ: участие в подготовке проектов крупных музеев антропологии (на примере учреждений Канады и США) и создание собственных музейных институций, обладающих важными отличительными характеристиками (в основном на примере коренных жителей Северной Европы — саамов). Делаются выводы о сущности данной деятельности как части «политики идентичности», выделяется основное содержание, сходства и различия создаваемых разными сообществами нарративов. Отмечаются возможность применения к отмеченным тенденциям концепции «пост-музея», а также возникающие вопросы, касающиеся трансформации привычных функций музеев, затронутых происходящими изменениями. Появление в музее новых заинтересованных сторон, предлагающих альтернативные точки зрения и интерпретации, является одним из факторов дискуссии о месте музея в современном обществе.

Ключевые слова: музейная экспозиция, экспозиционно-выставочная деятельность, коренные народы, саамы.

INDIGENOUS PEOPLES' PARTICIPATION IN REPRESENTING THEIR CULTURAL HERITAGE IN FOREIGN MUSEUMS

Klimov, Timur Aleksandrovitch — Bachelor of International Relations, Student of Master Programme, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, t.klimov637@yandex.ru.

The article contains an analysis of common forms of indigenous peoples' participation in museum activity that have developed in the USA, Canada and Northern Europe in recent decades. Their active engagement in exhibition planning and other types of museum work is based on the will to exercise their rights to cultural autonomy, to overcome the effects of unequal, colonial relations by means of taking back the control of narration about their history, culture and values. Two main forms of ethnic communities' museum activity are distinguished and analyzed: participation in exhibition projects of major museums (illustrated by institutions in Canada and the USA) and the creation of separate museum institutions with significant distinctive features (illustrated chiefly by the case of Northern Europe's indigenous people — the

Sámi). Conclusions are drawn regarding the nature of these practices being a part of identity politics, and the main contents, similarities and differences of narrations created by various groups are highlighted. The possibility of applying the concept of 'post-museum' to these trends, as well the issue of changing customary museum functions are also discussed. The emergence of new stakeholders offering alternative opinions and interpretations is one of the major factors of discussion regarding the role of museums in the modern world.

Key words: museum exposition, exposition and exhibition activities, indigenous peoples, the Sámi.

Критическое переосмысление практики музейной репрезентации культурного наследия коренных народов занимает заметное место в зарубежной научной литературе последних десятилетий. Можно выделить несколько причин возрастания интереса к данной проблематике. Во-первых, произошли значительные изменения в общественной жизни многих государств, связанные с окончанием колониальной системы, которые затронули в том числе и жизнь коренных народов на территории государств Европы и Северной Америки: на фоне отказа правительств от распространенной ранее политики «унификации» и прочих ограничений эти сообщества не только получили возможность реализовывать свои права, включая культурные, но и стали активно обсуждать свое прошлое и будущее место в обществе. Критике, в числе прочего, подвергались и этически сомнительные способы, которыми ранее пополнялись музейные коллекции— посредством изъятий против воли обладателей, несправедливых выкупов и т.д.—и типичные методы репрезентации в экспозиционно-выставочной деятельности, отражавшие европоцентризм (или «западоцентризм») ученых и характеризовавшие традиционную культуру этносов не самым приемлемым для последних образом. Этнические сообщества (на примере США) обвиняли сотрудников музеев в стереотипизированной и статичной репрезентации своих культур, отвечающей точке зрения мажоритарных групп, а не самих этносов; они начали претендовать на реальное вовлечение в музейную деятельность с целью влиять на то, что и как там демонстрируется¹. С этой тенденцией тесно связаны новые идеи, высказывавшиеся в музеологии и созвучные схожим подходам в других гуманитарных и социальных науках. Так, философ Б. Латур охарактеризовал предметы в качестве активных участников конструирования знания и, соответственно, познающих их людей, поскольку каждая вещь в силу истории создания, бытования задает определенный круг возможных описаний и трактовок². Стоит ли говорить, в сколь высокой степени это относится к предметам, хранимым в музее именно по причине их выдающихся историй и ценности с точки зрения получения и сохранения знаний. Неудивительно, что это и другие соображения привели к переосмыслению понимания музея— от места изучения, хранения и распространения информации и смыслов до общественно активного пространства, в котором эти смыслы формируются и постоянно трансформируются³. Именно так можно выразить ключевую идею, лежащую в основе инициатив музеев антропологии и представителей коренных народов, направленных на разработку новых подходов к экспозиционно-выставочной деятельности.

Представляется, что участие представителей коренных народов в музейной деятельности можно условно разделить на две формы: консультирование музеев при

¹ Archambault J. Native Communities, Museums and Collaboration // *Practicing Anthropology*. 2011. № 33 (2). P. 16–20.

² Latour B. (aka J. Johnson). Mixing humans and non humans together: the sociology of a door closer // *Social Problems*. 1988. № 35 (3). P. 298–310.

³ Hooper-Greenhill E. *Museums and the Shaping of Knowledge*. London; New York, 1992.

коллекционировании, изучении предметов и экспозиционно-выставочной деятельности, а также создание собственных музеев. Так, отмечается, что в США привлечение этнических сообществ к созданию и интерпретации связанных с ними материалов стало обычной практикой в 1980-е гг.⁴, а в Канаде активные дискуссии в этот же период закончились принятием представителями музеев, сообщества археологов и коренных народов формальных документов, признавших интересы последних в том, как сохраняется и интерпретируется их культурное наследие, и необходимость их участия в музейной работе для улучшения репрезентации и интерпретации связанных предметов⁵. Схожим образом процесс активного создания новых музеев и культурных центров в США и Канаде начался в 1960-е гг., к 1981 г. насчитывалось порядка 40 таких учреждений, соответствовавших местным определениям музея, а вскоре счет пошел на сотни⁶. В Европе большую активность в создании собственных музейных организаций проявляют сообщества саамов — коренного народа, проживающего на территории Норвегии, Швеции, Финляндии и России и считающегося одним из немногих или единственным коренным народом на территории Европейского союза. Первый саамский музей был создан в 1959 г. в финском поселении Инари, а с 1998 г. существует в обновленном виде под названием «Сиида» (обозначение традиционной саамской общины), пользуется поддержкой ЕС⁷.

С тех пор появилось немало описаний участия этнических сообществ в подготовке музейных выставок. Так, одним из первых практический опыт реализации предложенных принципов сотрудничества получил канадский Музей антропологии Университета Британской Колумбии: отмечено⁸, что при подготовке выставки доисторического искусства местного аборигенного населения сотрудники столкнулись с необходимостью продумывать такие моменты, которые раньше не занимали заметного места в экспозиционно-выставочной деятельности. Признанное право коренных народов на распоряжение их культурным наследием означало необходимость получения согласия представляющих их сообществ, а поскольку артефакты происходили из территорий, закрепленных за разными группами, у музея возникло большое число контрагентов, не все из которых имели возможность направить представителей для содействия подготовке выставки. В конечном счете было принято решение перейти от устных договоренностей к письменным соглашениям, на разработку которых ушло более полугода и которые включили такие положения, как оценка страховой стоимости предметов для заинтересованных в этом сообществ (что стало заметным отходом от принятой практики, в которой обычно избегают денежной оценки объектов во избежание поощрения незаконной торговли) и участие их представителей в проработке и утверждении экспликаций, оборудования и дизайнерских решений. Последний момент имел интересные последствия, иллюстрирующие одну из крупных дилемм при экспонировании искусства коренных народов: в данном случае их представители посчитали, что следует изменить практику помещения экспонатов

⁴ Archambault J. Native Communities, Museums and Collaboration.

⁵ Holm M., Pokotylo D. From Policy to Practice: a Case Study in Collaborative Exhibits with First Nations // Canadian Journal of Archaeology / Journal Canadien d'Archéologie. 1997. № 21 (1). P. 33–43.

⁶ Fuller N.J., Fabricius S. Native American Museums and Cultural Centers: Historical Overview and Current Issues // Zeitschrift für Ethnologie. 1992. № 117. P. 223–237.

⁷ Potinkara N. Categories and boundaries in Sámi exhibitions // Ethnic and Racial Studies. 2019. См. по адресу: <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1674347> (ссылка последний раз проверялась 25.07.2020).

⁸ Holm M., Pokotylo D. From Policy to Practice: a Case Study in Collaborative Exhibits with First Nations.

в «стерильные» музейные пространства, способствующие деконтекстуализации, и это привело к значительной переработке выставки с добавлением на этикетки названий на местных языках и удалением с них инвентарных номеров.

В самом деле, вопрос о желательном способе музейного представления искусства коренных народов является предметом оживленной дискуссии⁹: с одной точки зрения, его демонстрация без разъяснения культурного контекста неминуемо приводит к искажению того, что означали эти предметы в том обществе и для тех людей, которые его создали, и является этически сомнительной и просто нелогичной. Другая позиция заключается в том, что, поскольку любое искусство обладает трансцендентным, всеобщим, философским компонентом (если это свойство признается за западным искусством, было бы странно отрицать его для произведений других народов), оно может «говорить само за себя», сообщая свой посыл всем людям вне зависимости от культурного контекста. Если произведения западных художников активно экспонируют в «стерильных» пространствах, призванных фокусировать внимание на их эстетических качествах, почему искусство коренных народов не может демонстрироваться так же? Или перенос данных приемов на эти объекты, наоборот, будет означать их присвоение и «форматирование», а в перспективе — коммерциализацию и поглощение арт-рынком (что актуально для современных художников)?

Очевидно, единого ответа на этот вопрос найдено не было. Приводимые в публикациях описания проектов в данной области позволяют сказать, что сами сообщества коренных народов больше привлекает активная передача своего культурного контекста — ведь это позволяет им рассказывать о себе так, как видят они сами: так, согласно опросу современных художников из числа коренных жителей Аляски и посетителей выставок данного искусства¹⁰, обе категории высказали предпочтение в пользу большего числа текстовой информации в экспликациях. Художники приветствуют это как возможность лучше рассказать о своем творчестве, а посетители, в свою очередь, хотя его лучше понять; в случае с посетителями напрашивается аналогия с направлениями в современном искусстве, предполагающими самостоятельную интерпретацию увиденного зрителем, который, однако не всегда хочет брать на себя ответственность за это «сотворчество» и часто предпочитает быть «ведомым». Очевидно, знакомство в музее с незнакомой культурой может создавать схожую дезориентацию и потребность в подробных экспликациях. Так или иначе, за несколько десятилетий активное участие представителей коренных народов в музейных проектах в Северной Америке стало привычной практикой: среди них появились музейные специалисты, проводятся масштабные выставки с совместным кураторством; разногласия и длительные согласования не исчезли, но трактуются как преодолимые и плодотворные¹¹.

Другая форма музейной деятельности коренных народов — развитие собственных музеев — может быть хорошо проиллюстрирована на примере упомянутых музеев саамов в Финляндии, Норвегии, Швеции. Эти учреждения привлекают заметное внимание исследователей, изучаются в контексте общественной деятельности саамских организаций, сопоставляются с аналогичными движениями в Северной Америке. Последнее

⁹ Ames M.M. *Cannibal Tours and Glass Boxes: The Anthropology of Museums*. Vancouver; Toronto, 1992. P. 70–74.

¹⁰ Biddison D. *Representing Indigenous Cultures: Alaska Native Contemporary Art Exhibits in Anchorage* // *Études Inuit Studies*. 2004. № 28 (1). P. 37–56.

¹¹ Archambault J. *Native Communities, Museums and Collaboration*. P. 19–20.

можно отнести и к научной работе: после того как Дж. Клиффорд выпустил публикацию¹², в которой в формате «путевых заметок» анализировал построение посещенных экспозиций, посвященных коренным американцам, в музеях Северной Америки (как созданных индейцами, так и в крупных «классических» музеях), похожие исследования были неоднократно предприняты в Северной Европе, где авторы сопоставляли физическое пространство, подбор экспонатов и экспликации в экспозициях по антропологии, включая упомянутую «Сииду» в Финляндии, саамские музеи в Йокмокке (Швеция), Карасйоке (Норвегия) и др. Так, в одной из публикаций¹³ отмечаются заметные отличия в физическом пространстве таких музеев в сравнении с «классическими» музеями, рассказывающими в первую очередь историю наций (финнов, шведов, норвежцев), мажоритарных этнических групп: они заметно меньше по размеру, не отличаются помпезностью, содержат части сельских построек, элементы из дерева. Линейное построение экспозиции (ассоциируемое с линейным же повествованием истории государственного строительства и прогресса) заменяется альтернативными схемами планировки: музей в Йокмокке сделан по образу загона для северных оленей, в «Сииде» и в музее в Карасйоке выставочные залы прямоугольной формы, экспонаты размещены нелинейно и хорошо «просматриваются» издалека, есть ансамблевые комплексы традиционных построек. Разумеется, все это было возможно не только из-за руководящих идей, но и благодаря большей гибкости таких музеев в сравнении с крупными «классическими» учреждениями, имеющими то или иное заданное здание, ограниченные ресурсы, конкретные задачи, сложившиеся традиции и т.д.

Какое же идейное наполнение несут экспозиции саамских музеев? Разные авторы сходятся во мнении, что речь идет в первую очередь о создании и укреплении идентичности саамов как единой этнической группы со своей культурой и интересами. «Создании», поскольку саамская идентичность описывается как не самая четкая и прочная в реальности: основная популяция разделена границами четырех государств, традиционными занятиями (в первую очередь оленеводством) занимается лишь небольшая доля саамов, а основная их часть ведет обычный «современный» образ жизни, имеет обычные занятия; те, кто открывают свои саамские корни, не всегда знают язык, что уменьшает их возможность соответствующим образом идентифицировать себя¹⁴. Наконец, важным фактором является гетерогенность культуры, большие региональные различия.

Эти вопросы решаются по-разному: отмечается¹⁵, что, если в «Сииде» эти отличия по районам проживания упоминаются и учитываются, в Йокмокке — практически нет: речь идет об идее единого саамского этноса. Однако единство саамов остается главным сообщением и в этих, и в остальных случаях: в каждом из упомянутых музеев присутствует карта единого ареала проживания, «игнорирующего» национальные границы; кроме того, отмечено стремление создателей подчеркнуть связь истории и положения саамов с историей других коренных народов северных широт (тоже отраженных на специальных картах). Другое дело, что в качестве единственного из рассмотренных

¹² Clifford J. Four Northwest Coast Museums: Travel Reflections // Exhibiting Cultures: The Poetics and Politics of Museum Display. Ed. by I. Karp and S.D. Lavine. Washington, DC, 1991. P. 212–254.

¹³ Levy J.E. Prehistory, Identity, and Archaeological Representation in Nordic Museums // American Anthropologist. 2006. № 108 (1). P. 135–147.

¹⁴ Potinkara N. Categories and boundaries in Sámi exhibitions // Ethnic and Racial Studies. 2019. См. по адресу: <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1674347> (ссылка последний раз проверялась 25.07.2020).

¹⁵ Ibid.

автором случаев, когда четко «проговаривается» многонациональный характер населения конкретной территории, отмечается Музей истории кольских саамов в селе Ловозеро Мурманской области. Другой интересный компонент сообщаемой в саамских музеях идентичности — тесная связь с природой; здесь заключено стремление показать, что обширные северные территории не являются пустыми, но осваивались и «окультуривались» саамами в течение многих столетий. Разумеется, здесь прослеживается стремление укрепить аргументацию в возможных спорах о земельных правах, однако избранный способ рискует оказаться палкой о двух концах, поскольку может использоваться и для того, чтобы «примитивизировать» этнос как связанный с природой (а не с культурой) народ оленеводов, к тому же, оставшийся в далеком прошлом, ведь оленеводство не является преобладающим занятием современных саамов¹⁶.

Еще один интересный кейс связан с отношением этих музеев к фотографии — на примере экспозиции и выставок музея в Карасйоке отмечается¹⁷ глубокое осознание их создателями культурного значения фотографии — с одной стороны, старые этнографические фотографии, активно критикуемые как свидетельство неравноправных отношений и колониализма, отсутствуют в исторической экспозиции (что также связано со сложным отношением к фотографии в распространенной среди саамов протестантской конфессии — лестадианстве), зато активно фигурируют на выставках современного саамского искусства — здесь использование фотографии адаптируется для демонстрации культуры и картины мира нынешних представителей этноса.

Таким образом, как можно охарактеризовать рассмотренные выше активно создаваемые нарративы? Безусловно, все они являются примерами «политики идентичности», частью усилий этнических сообществ по установлению или возвращению контроля над повествованием своей собственной истории. В своем содержании и основаниях эти новые истории неминуемо оказываются политизированными, поскольку напрямую затрагивают отношения власти из прошлого, а возможно, также из настоящего или будущего — открытая политизация здесь считается желательной, поскольку «деполитизация» трактуется как замалчивание, т.е. тоже политизация, но в интересах других социальных групп. Разные сообщества могут продвигать различные повестки — если в случае американских индейцев речь идет о преодолении последствий и осуждении колониальной политики (это хорошо описано в упомянутой работе Дж. Клиффорда), то нарративы саамских музеев больше напоминают исследователям «классические» европейские национальные движения, формирующие национальное самосознание, идеи о происхождении, общей истории, культуре и т.д. Индейцы Северной Америки имеют большой опыт земельных и подобных споров, хотя и для саамов это знакомая ситуация — и, надо полагать, что «пустое» пространство северных территорий в дальнейшем будет вызывать все больший интерес у разных сторон. В свете этого политика идентичности коренных народов неминуемо будет играть заметную роль.

Другая известная концепция, которая может помочь в осмыслении происходящих изменений, связана с категорией «пост-музея», развитой в работах Э. Хупер-Гринхилл¹⁸. Предшественником пост-музея является «модернистский музей», в области социальных наук связанный с формированием национальной идеи, прогрессом, упорядочиванием

¹⁶ Levy J.E. Prehistory, Identity, and Archaeological Representation in Nordic Museums.

¹⁷ Lien S., Nielssen H. Absence and Presence: The Work of Photographs in the Sámi Museum, RiddoDuottarMuseat-Sámiid Vuorká-Dávvirat (RDM-SVD) in Karasjok, Norway // *Photography and Culture*. 2012. № 5. Pt. 3. P. 295–310.

¹⁸ Hooper-Greenhill E. *Museums and the Interpretation of Visual Culture*. London; New York, 2000.

и сформировавшийся в XIX в. Пост-музей, наоборот, является продуктом последних десятилетий, более комплексным пространством, в том числе и в материальном плане; он становится местом выражения нематериального наследия (а эта категория ассоциируется в первую очередь с коренными народами), различных точек зрения. Современные проекты, в которых участвуют представители этнических сообществ, хорошо подходят под это определение. Не будет ли здесь противоречия, если экспозиции в саамских музеях описываются как укрепляющие национальную идентичность? Представляется, что значение имеет не только то, что рассказывают экспозиции, но и приемы повествования: с пост-музеями их объединяют не только названные черты, но и внимание к личным историям отдельных людей, привносящих гуманистический компонент.

Как в данных условиях будет меняться роль музея и музейных сотрудников? Без сомнения, происходящие изменения не могли не создавать ощущения неизвестности, учитывая привычный консерватизм музейной сферы: новая роль коренного населения практически во всех ключевых областях поставила вопросы¹⁹, как музей будет выполнять привычные функции, когда объем контроля над коллекциями, знаниями, коммуникацией значительно сократился? Отмечались значительно возросшие затраты времени, труда сотрудников, иногда и финансов, поднимался вопрос о статусе музея антропологии как научного учреждения, поскольку новые интерпретации, предлагаемые контрагентами, не носили научного характера. Разумеется, эти и смежные вопросы многократно превосходят масштаб данного текста, и приходящие в музейное пространство новые участники, возникающая «полифония» разных голосов являются одним из ключевых факторов дискуссий о месте музея в современном мире.

Список литературы

Ames M.M. Cannibal Tours and Glass Boxes: The Anthropology of Museums. Vancouver; Toronto: UBC Press, 1992. 212 p.

Archambault J. Native Communities, Museums and Collaboration // *Practicing Anthropology*. 2011. Vol. 33. Pt. 2. P. 16–20.

Biddison D. Representing Indigenous Cultures: Alaska Native Contemporary Art Exhibits in Anchorage // *Études Inuit Studies*. 2004. Vol. 28. Pt. 1. P. 37–56.

Clifford J. Four Northwest Coast Museums: Travel Reflections // *Exhibiting Cultures: The Poetics and Politics of Museum Display*. Ed. by I. Karp and S.D. Lavine. Washington, DC: Smithsonian Books, 1991. P. 212–254.

Fuller N.J., Fabricius S. Native American Museums and Cultural Centers: Historical Overview and Current Issues // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1992. Vol. 117. P. 223–237.

Holm M., Pokotylo D. From Policy to Practice: a Case Study in Collaborative Exhibits with First Nations // *Canadian Journal of Archaeology / Journal Canadien d'Archéologie*. 1997. Vol. 21. Pt. 1. P. 33–43.

Hooper-Greenhill E. Museums and the Interpretation of Visual Culture. London; New York: Routledge, 2000. 195 p.

Hooper-Greenhill E. Museums and the Shaping of Knowledge. London; New York: Routledge, 1992. 244 p.

Latour B. (aka J. Johnson). Mixing humans and non humans together: the sociology of a door closer // *Social Problems*. 1988. Vol. 35. Pt. 3. P. 298–310.

¹⁹ *Maranda L.* Museology and Indigenous Cultures: a New Reality for Museums in Canada // *ICOFOM Study Series*. 2003. № 33. P. 77–80.

Levy J.E. Prehistory, Identity, and Archaeological Representation in Nordic Museums // *American Anthropologist*. 2006. Vol. 108. Pt. 1. P. 135–147.

Lien S., Nielszen H. Absence and Presence: The Work of Photographs in the Sámi Museum, RiddoDuottarMuseat-Sámiid Vuorká-Dávvirat (RDM-SVD) in Karasjok, Norway // *Photography and Culture*. 2012. Vol. 5. Pt. 3. P. 295–310.

Maranda L. Museology and Indigenous Cultures: a New Reality for Museums in Canada // *ICOFOM Study Series*. 2003. Vol. 33. P. 77–80.

Potinkara N. Categories and boundaries in Sámi exhibitions // *Ethnic and Racial Studies*. 2019. URL: <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1674347> (ссылка последний раз проверялась 25.07.2020).

References

Ames, M.M. *Cannibal Tours and Glass Boxes: The Anthropology of Museums*. Vancouver; Toronto: UBC Press, 1992. 212 p.

Archambault, J. Native Communities, Museums and Collaboration, in *Practicing Anthropology*. 2011. Vol. 33. Pt. 2. P. 16–20.

Biddison, D. Representing Indigenous Cultures: Alaska Native Contemporary Art Exhibits in Anchorage, in *Études Inuit Studies*. 2004. Vol. 28. Pt. 1. P. 37–56.

Clifford, J. Four Northwest Coast Museums: Travel Reflections, in *Exhibiting Cultures: The Poetics and Politics of Museum Display*. Ed. by I. Karp and S.D. Lavine. Washington, DC: Smithsonian Books, 1991. P. 212–254.

Fuller, N.J., Fabricius, S. Native American Museums and Cultural Centers: Historical Overview and Current Issues, in *Zeitschrift für Ethnologie*. 1992. Vol. 117. P. 223–237.

Holm, M., Pokotylo, D. From Policy to Practice: a Case Study in Collaborative Exhibits with First Nations, in *Canadian Journal of Archaeology / Journal Canadien d'Archéologie*. 1997. Vol. 21. Pt. 1. P. 33–43.

Hooper-Greenhill, E. *Museums and the Interpretation of Visual Culture*. London; New York: Routledge, 2000. 195 p.

Hooper-Greenhill, E. *Museums and the Shaping of Knowledge*. London; New York: Routledge, 1992. 244 p.

Latour, B. (aka J. Johnson). Mixing humans and non humans together: the sociology of a door closer, in *Social Problems*. 1988. Vol. 35. Pt. 3. P. 298–310.

Levy, J.E. Prehistory, Identity, and Archaeological Representation in Nordic Museums, in *American Anthropologist*. 2006. Vol. 108. Pt. 1. P. 135–147.

Lien, S., Nielszen, H. Absence and Presence: The Work of Photographs in the Sámi Museum, RiddoDuottarMuseat-Sámiid Vuorká-Dávvirat (RDM-SVD) in Karasjok, Norway, in *Photography and Culture*. 2012. Vol. 5. Pt. 3. P. 295–310.

Maranda, L. Museology and Indigenous Cultures: a New Reality for Museums in Canada, in *ICOFOM Study Series*. 2003. Vol. 33. P. 77–80.

Potinkara, N. Categories and boundaries in Sámi exhibitions, in *Ethnic and Racial Studies*. 2019. URL: <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1674347> (last visit 25.07.2020).